

Глава 8:О, он *так*хорош в этом!

«Чу Янь,хватит!»

Чу Шуо вскочил с дивана, широко раскрыв глаза,и указал на Чу Яня. «Что это за пассивная агрессия? Так ты все-таки признаешь, что ты глупый?»

«Если бы ты не был таким тупым, Сяо И не был бы отравлен этим подонком!»

Чу Сюи сжал челюсти. Так он был отравлен, потому что Чу Янь был глупым? Нет, Чу Янь явно подставил его намеренно, пытаясь разрушить его жизнь.

Но Чу Шуо не заметил изменения в выражении лица Чу Сюи. Он все еще изливал свою ярость на Чу Яня.

«И ты смеешь обвинять Фу Хунган в измене? Если бы ты не был таким бесполезным, вы бы уже давно поженились. Ты был его предполагаемым женихом в течение многих лет и так и не добился ничего, а теперь кто-то другой забрался в его постель. И ты все еще имеешь наглость играть роль жертвы? На твоём месте я бы умер со стыда».

«Чу Янь, как ты можешь быть таким жалким? Все эти годы семья Чу бесстыдно продвигала тебя, даже ценой нашей репутации, а Фу Хунган все равно презирает тебя. Он лучше переспит с какой-нибудь случайной шлюхой, чем прикоснется к тебе. Насколько ты бесполезен?»

Чу Шуо не переставал ругаться, но не заметил, как выражение лица Чу Сюи рядом с ним становилось все мрачнее, пока тот не выглядел готовым рухнуть.

Чу Янь не мог не похвалить Чу Шуо в душе.

Продолжай говорить — чем больше, тем веселее.

Причина, по которой помолвка между первоначальным хозяином и Фу Хунганом стала достоянием общественности, была исключительно делом рук семьи Чу. Одержимое увлечение первоначального хозяина тела Чу Яня Фу Хунганом, возможно, принесло ему только насмешки в элитных кругах, но семья Чу превратила это в публичный цирк — все для того, чтобы

завоевать расположение семьи Фу.

*Пфф. «Бесстыдно продвигала меня»? Скорее бесстыдно использовал первоначального хозяина, чтобы прилипнуть к семье Фу. Как *щедро* с их стороны.*

Чу Шуо, чтобы выплеснуть свой гнев за своего драгоценного младшего брата обвинял Чу Яня во всех грехах. Жаль, что он не понял, что человек, с которым Фу Хунган изменил, был не кто иной, как его любимый брат, Чу Сюи.

«Роман» Фу Хунгана и Чу Сюи начался задолго до того, как их истинные личности стали достоянием публики, но настоящая кульминация произошла той самой ночью в клубе «Безмятежность». Чу Сюи всегда знал о помолвке Фу Хунгана с Чу Янем — об этом знали все. Именно поэтому он так долго сдерживал свои чувства. Даже после той ночи, когда Фу Хунган уверил его, что никогда не признавал помолвку и не испытывал чувств к Чу Яну, Чу Сюи всё равно не мог избавиться от возмущения.

Конечно, любой на его месте испытал бы отвращение. Особенно учитывая, что Чу Янь преследовал его, прибегая к гнусным методам, чтобы подставить и чуть не разрушить.

Так что конечно он ненавидел Чу Яня.

Но пока Фу Хунган отрицал помолвку, семья Чу *доила* ее досуха, отчаянно *высасывая* деньги из семьи Фу. Чу Сюи знал об этом. Даже если помолвка была фальшивой, он отказывался быть с другим мужчиной. Поэтому он не позволял никому узнать о своих отношениях с Фу Хунганом — по крайней мере, до тех пор, пока помолвка не была официально расторгнута.

Из-за этого семья Чу пришла к выводу, что Чу Янь, охваченный ревностью, подставил Чу Сюи — накачал его наркотиками в клубе «Безмятежность», чуть не лишив его невинности. Им казалось, что Фу Хунган просто вовремя вмешался, предотвратив катастрофу. Никто из них и предположить не мог, что эти двое были связаны ещё задолго до того, как Чу Сюи вернулся в семью. Они даже не догадывались, что именно сделал Фу Хунган той ночью. И, конечно же, им было неизвестно, что теперь Чу Сюи и Фу Хунган — пара.

«Второй брат!» — Чу Сюи наконец высказался и схватил Чу Шуо за руку. Сдерживая гнев, он покачал головой. — «Хватит. Раз Чу Янь уже извинился, давай просто забудем об этом».

— «Сяо И, мягкость не всегда хорошая вещь», — Чу Шуо нахмурился, но тут же смягчился от беспокойства. — «Тебе это язвительное замечание кажется извинением? Ты мой настоящий брат, истинный молодой хозяин семьи Чу. А он? Девятнадцать лет роскоши, пока ты страдал на улице. Ты достаточно добр, чтобы простить его, но я, как твой брат, не позволю, чтобы он

издевался над тобой».

— «Кроме того, всё, что я сказал, правда. Он ни на что не годен — лишь красивое лицо. После многих лет преследования Фу Хунгана, он всё ещё относится к нему как к мусору. Наша семья вложила в него всё. Он жалок, полный позор!»

— «Он заслужил это презрение. Он заслуживает обмана. Фу Хунган лучше переспит с нищим, чем прикоснется к нему — это то, чего он достоин. Не смей жалеть его».

— «Ты абсолютно прав. Я сам напросился на это», — пробормотал Чу Янь.

Кулаки Чу Сюи дрожали от напряжения, настолько он их сжал.

Чу Шуо успокаивающе похлопал его по плечу: — «Слава Богу, что ты мой настоящий брат. Иначе мне стало бы плохо».

— «...Мне повезло», — тихо сказал Чу Янь.

— «А ты», — Чу Шуо снова повернулся к нему, лицо вновь искривилось, — «несмотря на то, что Сяо И достаточно великодушен, чтобы простить тебя, если ты еще раз осмелишься подставить его таким грязным трюком, не вини меня за то, что я не сдержусь».

— «Я понимаю, второй брат. Ты прав. Я подумал о том, что наделал», — сказал Чу Янь странно покорно. Его поведение было настолько убедительным, что даже Чу Шуо с трудом продолжал его ругать.

— «Второй брат, в прошлом я был молодым и глупым. Я наслаждался всем, что должно было принадлежать Сяо И. Теперь, когда он вернулся, всё это — его. Если он хочет что-то — даже если это значит отдать ему мою невесту — я отдам это добровольно», — сказал Чу Янь.

Этот ублюдок!

Чу Сюи взбесился. Старый Чу Янь казался бы бессильным и смешным, но сейчас каждое слово его «извинений» было как нож в сердце. Отдать его? Фу Хунган никогда не любил Чу Яня — он ненавидел его. Какое право имел этот презренный, отвергнутый жених что-то «отдавать»?

Фу Хунган говорил, что Чу Сюи был его первой любовью, первым человеком, о котором он действительно заботился. Значит, Фу Хунган с самого начала был его. Что могло значить это презренное, фальшивое «отдать»?

Чу Сюи кипел от злости, но не мог выплеснуть ее наружу.

«По крайней мере, у тебя есть хоть какое-то самосознание».

Чу Шуо, однако, был доволен ответом Чу Яня.

Сегодня Чу Янь вел себя слишком хорошо. Гнев Чу Шуо не был полностью выпущен, и даже его первоначальный план избить Чу Яня был сорван. Это оставило его с чувством... странного удушья.

«Тогда, второй брат, если больше ничего не нужно, я ухожу».

«Уйти?»

Чу Шуо снова ошеломило. Несмотря на непопулярность Чу Яня, они жили вместе девятнадцать лет. Это был их дом — даже после возвращения Чу Сюи комната Чу Яня была сохранена. И было уже так поздно. Он не ожидал, что Чу Ян добровольно уйдет.

Разве он не должен был бесстыдно пытаться завоевать благосклонность?

Разве он не должен был придумывать отговорки, чтобы остаться, например, притвориться, что учится актерскому мастерству? Разве он не должен был осторожно пытаться сблизиться или умолять, чтобы его взяли на съемочную площадку?

«Да, второй брат. Я знаю, так как я здесь нежеланный. Я больше не буду беспокоить тебя и Сюо И».

С этими словами Чу Янь развернулся и поспешил уйти. Он больше не мог сдерживаться. Он только что саркастически подколот *главного героя* этого мира — оставил любимца небес безмолвным. Посмотрите на него, он дрожит от ярости! Неужели его поразит молния?

А та ваза, которую он разбил ранее — заставили бы его за нее заплатить? Лучше убежать, пока есть возможность.

Почему он не мог контролировать свой проклятый рот? Он поклялся, что не будет провоцировать двух главных героев. *Глупый рот!*

Глядя на Чу Яня, который ускорил шаг, как будто боялся, что они увидят, как он сломается, Чу Шуо на мгновение ошеломился. Он ясно видел, как Чу Янь с трудом сдерживал что-то. Его покрасневшие глаза — он сдерживал слезы? После девятнадцати лет, прожитых как брат, Чу Шуо почувствовал неожиданную боль... чего-то. Почему он сейчас чувствовал себя мягким?

«Дворецкий», — внезапно позвал Чу Шуо. «Иди, приведи его обратно. Слишком поздно для него бегать. У него нет чувства приличия».

«Второй брат?»

Чу Сюи был шокирован. Разве они не договорились навсегда выгнать Чу Яня? Так вот как Чу Шуо защищал его?

Чу Шуо тоже не знал, что на него нашло, поэтому он спас свою гордость, сказав: «Я просто боюсь, что он опозорит семью Чу. Если просочится информация, что его выгнали посреди ночи, люди скажут, что мы бездушные».

Чу Сюи ничего не сказал, его взгляд был испытующим, но он знал, что не стоит давить дальше.

Однако, к удивлению Чу Шуо, дворецкий вернулся один.

«Молодой господин уже уехал».

«Он вообще смог найти здесь такси?» В этом районе были одни особняки и роскошные автомобили — обычные такси сюда не подъезжали.

«О, машина, которая привезла его, не уезжала. Водитель все еще ждал».

Так этот идиот действительно не собирался оставаться? Чу Шуо был озадачен.

Конечно, он не останется. Чу Янь боялся, что в него ударит молния.

К тому времени, когда Чу Янь вернулся в свою квартиру, было уже почти полночь. Быстро умывшись, он упал на кровать, измученный усталостью.

Он взял телефон и увидел сообщение от мужчины-модели, которого он недавно нанял.

Три миллиона: «Спокойной ночи, покровитель».

Хм. «Три миллиона» — так Чу Янь прозвал его, чтобы постоянно напоминать себе, что нельзя расслабляться — в конце концов, ему нужно содержать мужчину-модель, который стоит три миллиона в месяц.

Чу Янь: «Ты очень профессионален».

Чу Янь полагал, что тот уже спит, но, к его удивлению, ответ пришел мгновенно.

Три миллиона: «Конечно. Молодой господин потратил на меня девять миллионов. Я должен убедиться, что вы получите то, за что заплатили. Я позабочусь о вас с головы до ног, пока вы не будете полностью удовлетворены».

Три миллиона: «Так что в любое время, в любом месте, если мой молодой хозяин будет во мне нуждаться, я буду рядом. Гарантированный сервис премиум-класса».

Телом и душой? *Кашель.* Невольно в голове Чу Яня промелькнули некоторые явно нецензурные мысли, и кончики его ушей покраснели, не давая ему этого заметить.

Чу Янь: «Раз ты все еще не спишь, как насчет того, чтобы закончить наше незаконченное дело?»

Тогда Чу Шуо позвонил внезапно, даже угрожая разрушить его, заставив Чу Яня уйти. Детали их сделки не были полностью обсуждены, и Чу Янь перевел только один миллион в качестве залога — остальные восемь миллионов все еще оставались долгом. Хотя Чу Янь не особо заботился о своей репутации, поскольку он все еще хотел заниматься актерством, как в

прошлой жизни, лучше было держать такие вещи в секрете. Плохая репутация — это одно, но если это повлияет на его способность зарабатывать деньги? Тогда это будет настоящая проблема.

Как раз когда Чу Янь обдумывал это, появилось еще одно сообщение.

Три миллиона: «Молодой господин имеет в виду тот момент, когда ваши бледные, нежные ноги были обернуты вокруг моих плеч, и я еще не успел обнаружить, насколько они гладкие, мягкие и нежные — прежде чем нас прервали?»

Чу Янь: «Черт, черт, черт!»

Три миллиона: «Я знал, что молодой господин этого жаждал».

Чу Янь: «Жаждал чего? Я не жаждал! Я не это имел в виду. Я говорил о составлении соглашения, об установлении некоторых основных правил. Разве ты не хочешь оставшиеся восемь миллионов?»

Три миллиона: «Хочу».

Черт! Почему этот парень должен был так это сформулировать...

Чу Янь мгновенно растерялся. Слова этого ублюдка обладали какой-то магией — в голове невольно возникали яркие образы. Это вообще человеческая речь? И он еще называет себя новичком? Да, конечно.

Чу Янь: «Если ты этого хочешь, то веди себя прилично. Или папочка может тебя просто заменить».

Фу Цзюньхан уставился на экран, наблюдая за шквалом яростных смайликов, и его губы искривились в ухмылке. Он практически мог представить себе выражение лица этого тупицы — такое выразительное, полное возбуждения, но совершенно беспомощное.

Три миллиона: «Тогда, папочка, не стесняйся, называй свои условия. Если деньги подходящие,

я готов на все. Даже если у моего дорогого папочки есть какие-то... извращения, я могу приспособиться».

Чу Янь: «Пфф! Я не какой-то грязный старик с «особыми предпочтениями». Не распространяй слухи!»

Фу Цзюньхан: *Ты не старый извращенец — просто молодой.*

Три миллиона: «Конечно, конечно. Молодой господин — просто невинный милашка. Нежный и мягкий, но совершенно очаровательный. Дьявольски соблазнительный, но все же милый».

Чу Янь: «Кто тебе разрешил флиртовать со своим спонсором?! Кто здесь получает деньги — ты или я?!»

Чу Янь умирал внутри. Этот мужчина-модель достиг дна, но все еще показывал свою лучшую игру.

Три миллиона: «Ты, ты».

Подумав, Чу Янь прислал свои три жестких правила.

1. Покровительствуемый, Ван Син, должен сохранять полную секретность в отношении личности покровителя. Характер их договоренности никогда не должен раскрываться.

2. После заключения договоренности она будет действовать в течение трех месяцев, если покровитель не расторгнет ее. В течение этого периода Ван Син должен выполнять все просьбы покровителя в любое время и в любом месте (если это не является буквально невозможным).

Решение о продлении соглашения по истечении трех месяцев будет зависеть от соглашения сторон.

Чу Янь не смог заставить себя добавить, что это также зависит от его финансового положения. В конце концов, он уже был в долгах на девять миллионов. Если он не сможет заработать

достаточно позже, как он сможет позволить себе содержать его?

3. Только секс, без обязательств. Их отношения были строго деловыми, без вмешательства в жизнь друг друга.

Чу Янь: «Это все, что я могу придумать на данный момент. Если что-то еще всплывет, я добавлю позже. Если вы согласны, мы подпишем контракт, и я переведу оставшуюся сумму».

Три миллиона: «Твое желание — закон для меня, мой маленький покровитель».

Чу Янь покраснел. «Ты не намного старше меня!»

Внутри он был 27-летним мужчиной, но этот парень продолжал называть его «сахарным папочкой» или «маленьким покровителем», с непонятной ласковостью, от которой у Чу Яня мурашки по коже бегали.

Три миллиона: «Мне 29 — всего на десять лет старше тебя, мой маленький покровитель».

Чу Янь: «...» *Я думал, что он примерно того же возраста, что и мое другое я в том мире*.

Ну, для человека того возраста, который все еще занимается проституцией... Боже, это мрачно. Неудивительно, что он так усерден.

Как только условия были согласованы, осталось только подписать соглашение и поставить отпечатки пальцев. Учитывая квази-знаменитость Чу Яня, они договорились, что «Три миллиона» придет к нему на следующий день.

Три миллиона: «Спокойной ночи, мой маленький покровитель».

Этот парень такой ловкий!

И почему «маленький покровитель» продолжал выглядеть как «маленькая принцесса»?! Так чертовски неловко!

Чу Янь наконец-то спокойно закрыл глаза — только чтобы в следующую секунду вскочить, как будто его ударило током. Его внезапно осенило.

Ему нужно было зарабатывать деньги. Ему нужно было строить карьеру. Ему нужно было поддерживать своего мужчину.

Но, учитывая криминальное прошлое оригинального хозяина и его нынешний неловкий статус «поддельного молодого господина», о больших деньгах не могло быть и речи — ему повезет, если он найдет даже небольшую работу. Как, черт возьми, он должен был зарабатывать?

Однако в туманных воспоминаниях оригинального хозяина была одна деталь: однажды к нему обратились с предложением участвовать в реалити-шоу «Реабилитация» для скандальных знаменитостей.

Шоу собирало опальных звезд и использовало их скандальную известность в качестве рекламного хода для прямой трансляции. Каждый участник был ходячей скандальной фигурой — распутный идол, бывшая звезда первой величины, замешанная в обвинениях в домашнем насилии, актриса третьего сорта, разоблаченная как разрушительница семей... Короче говоря, каждый из них был проблематичным.

Но это было похоже на «Золотую малину» — только человек с желанием умереть мог подписаться на то, чтобы стать национальным посмешищем. Поэтому первоначальный ведущий не просто отказался, он обругал и своего агента, и режиссера шоу.

Такое низкопробное шоу не годилось даже для собак...

«Я пойду», — заявил Чу Янь, ударив себя в грудь, стоя лицом к лицу с Ляо Цзянем. «Если собаки не пойдут, пойду я».

Ляо Цзянь ошеломился. «Ты с ума сошел?!»

<http://bllate.org/book/13721/1213665>